

Сборник русских народных сказок

для детей 5-6 лет

(в соответствии с примерным перечнем
литературных произведений по ФОП ДО)

«Жил да был карась...»

(докучная сказка)

Жил да был карась,

Вот и сказка началась.

Жили-были два налима,

Вот и сказки половина.

Жили-были три гуся,

Вот и сказка вся.

«Жили-были два братца...»

(докучная сказка)

Жили - были два братца,

два братца - кулик да журавль.

Накосили они стожок сенца,

поставили среди польца.

Не сказать ли сказку опять с конца?

«Заяц-хвастун»

(в обработке О. Капицы)

Жил-был заяц в лесу. Летом жилось ему хорошо, а зимой голодно. Вот забрался он раз к одному крестьянину на гумно снопы воровать, видит: там уже много зайцев собралось. Он и начал им хвастать: У меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи, я никого не боюсь! Пошел зайчик опять в лес, а другие зайцы рассказали тетке вороне, как заяц хвастался. Полетела ворона хвастунишку разыскивать. Нашла его под кустом и говорит: А ну, скажи, как ты хвастался? А у меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи. Потрепала его ворона за ушки и говорит: Смотри, больше не хвастай! Испугался заяц и обещал больше не хвастать. Вот сидела раз ворона на заборе, вдруг собаки набросились на нее и стали трепать. Увидел заяц, как собаки ворону треплют, и думает: надо бы вороне помочь. А собаки увидели зайца, бросили ворону да побежали за зайцем. Заяц быстро бежал – собаки гнались за ним, гнались, совсем выбились из сил и отстали от него. Сидит ворона опять на заборе, а заяц отдышался и прибежал к ней. Ну, – говорит ему ворона, – ты молодец: не хвастун, а храбрец!

«Крылатый, мохнатый да масляный»

(в обработке И. Карнауховой)

На лесной опушке, в тепленькой избушке, жили – были три братца: воробей крылатый, мышонок мохнатый, да блин масляный. Воробей с поля прилетел, мышонок от кота удрал, блин со сковороды убежал. Жили они, поживали, друг друга не обижали. Каждый свою работу делал, другому помогал. Воробей еду приносил – с полей зёрен, из лесов грибов, с огорода бобов. Мышонок дрова рубил, а блин щи да кашу варил. Хорошо жили. Бывало, воробей с охоты воротится, ключевой водой умоется, сядет на лавку отдыхать. А мышь дрова таскает, на стол накрывает, ложки крашенные считает. А блин у печи – румян да пышен – щи варит, крупной солью солит, кашу пробует. Сядут за стол – не нахвалятся. Воробей говорит:

– Эх, щи так щи, боярские щи, как хороши да жирны!

А блин ему:

– А я, блин масляный, окунусь в горшок да вылезу – вот щи и жирные!

А воробей кашу ест, похваливает:

– Ай, каша, ну и каша – горазд горяча!

А мышь ему:

– А я дров навезу, мелко нагрызу, в печь набросаю, хвостиком разметаю – хорошо в печи огонь горит – вот каша и горяча!

– Да и я, – говорит воробей, – не промах: соберу грибов, натащу бобов – вот вы и сыты! Так они жили, друг друга хвалили, да и себя не обижали. Только раз призадумался воробей. «Я, – думает, – целый день по лесу летаю, ножки бью, крылышки треплю, а они как работают? С утра блин на печи лежит – нежится, а только к вечеру за обед берётся. А мышь с утра дрова везёт да грызёт, а потом на печь заберётся, на бок повернётся, да и спит до обеда. А я с утра до ночи на охоте – на тяжёлой работе. Не бывать больше этому!»

Рассердился воробей – ножками затопал, крыльями захлопал и давай кричать:

– Завтра же работу поменяем! Ну, ладно, хорошо. Блин да мышонок видят, что делать нечего, на том и порешили. На другой день утром блин пошёл на охоту, воробей –

дрова рубить, а мышонок – мовед варить. Вот блин покотился в лес. Катится по дорожке и поёт:

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я – масляный бок,

На сметане мешан,

На маслице жарен!

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я – масляный бок!

Бежал, бежал, а навстречу ему Лиса Патрикеевна.

– Ты куда, блинок, бежишь-спешишь? – На охоту.

– А какую ты, блинок, песенку поешь?

Блин заскакал на месте, да и запел:

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я – масляный бок,

На сметане мешан,

На маслице жарен!

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я – масляный бок!

– Хорошо поёшь, – говорит Лиса Патрикеевна, а сама ближе подбирается.

– Так, говоришь, на сметане мешан?

А блин ей:

– На сметане да с сахаром!

А лиса ему:

– Прыг-скок, говоришь? Да как прыгнет, да как фыркнет, да как ухватит за масляный

бок – ам!

А блин кричит:

– Пусти меня, лиса, в дремучие леса, за грибами, за бобами – на охоту!

А лиса ему:

– Нет, я съем тебя, проглочу тебя, со сметаной, с маслом да с сахаром. Блин бился, бился, еле от лисы вырвался – бок в зубах оставил, домой побежал! А дома-то что делается! Стала мышка щи варить: чего ни положит, чего ни прибавит, а щи всё не жирны, не хороши, не маслены. «Как, – думает, – блин щи варил? А, да он в горшок нырнёт да выплывет, и станут щи жирные!» Взяла мышка, да и кинулась в горшок. Обварилась, ошпарилась, еле выскочила! Шубка повылезла, хвостик дрожмя дрожит. Села на лавку да слезы льёт. А воробей дрова возил: навозил, натаскал да давай клевать, на мелки щепки ломать. Клевал, клевал, клюв на сторону своротил. Сел на завалинку и слёзы льет. Прибежал блин к дому, видит: сидит воробей на завалинке – клюв на сторону, слезами воробей заливается. Прибежал блин в избу – сидит мышь на лавке, шубка у неё повылезла, хвостик дрожмя дрожит. Как увидали, что у блина полбока съедено, ещё пуще заплакали. Тут блин и говорит:

– Так всегда бывает, когда один на другого кивает, своё дело делать не хочет. Тут воробей со стыда под лавку забился. Ну, делать нечего, поплакали-погоревали, да и стали снова жить-поживать по- старому: воробей еду приносить, мышь дрова рубить, а блин щи да кашу варить. Так они живут, пряники жуют, медком запивают, нас с вами вспоминают.

«Лиса и кувшин»
(обработка О.И. Капицы)

Вышла баба на поле жать и спрятала в кусты кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала.

Пора бы и домой, да вот беда – головы из кувшина вытащить не может.

Ходит лиса, головой мотает и говорит:

Ну, кувшин, пошутил, да и будет! Отпусти же меня, кувшинушка.

Полно тебе баловать – поиграл, да и будет!

Не отстаёт кувшин, хоть что ты хочешь!

Рассердилась лиса:

Погоди же ты, не останешь честью, так я тебя утоплю!

Побежала лиса к реке и давай кувшин топить.

Кувшин-то утонуть – утонул, да и лису за собой утянул.

«Морозко»

(пересказ М. Булатова)

Жили-были старик да старуха. У старика была своя дочка, у старухи своя. Свою дочку старуха нежила, голубила, а старикову дочку невзлюбила, всю работу на неё взвалила, за всё её ругала-бранила.

Девушка ни от какой работы не отказывается, что велят сделать — всё делает, лучше и не надо. Люди на неё смотрят — нахвалиться не могут. А о старухиной дочке только и говорят:

— Вон она, ленивица! Вон она, бездельница!

Старуха оттого ещё злее становилась, только и думала; как бы совсем извести, погубить падчерицу.

Вот раз поехал старик в город на базар. Стала старуха со своей дочкой сговариваться:

— Тут-то мы её, ненавистную, и сживём со свету!

Кликнула старуха девушку и приказывает:

— Ступай в лес, набери хворосту!

— Да у нас и без того хворосту много, — отвечает девушка.

Закричала старуха, затопала ногами, накинулась вместе со своей дочкой на девушку и вытолкала её вон из избы.

Нечего делать, отправилась девушка в лес.

Мороз-то так и трещит. Ветер-то так и воет. А старуха со своей дочкой по тёплой избе похаживают, одна другой говорят:

— Не вернётся, ненавистная, замёрзнет в лесу!

Пришла девушка в лес. Остановилась под высокой, густой ёлкой и не знает — куда дальше идти, что делать?

Вдруг послышался шум да треск: скачет Морозко по ельничку, скачет Морозко по березничку, с дерева на дерево поскакивает, похрустывает да пощёлкивает.

Спустился с ёлки и говорит:

— Здравствуй, красная девица! Зачем ты в такую стужу в лес забрела?

Рассказала ему девушка, что не по своей воле она в лес за хворостом пришла, ничего не утаила.

Выслушал её Морозко и говорит:

— Нет, красная девица, не за тем тебя сюда прислали. Ну, уж если пришла в мой лес, покажи, какова ты мастерица: шей мне из этого холста рубаху.

Подавал Морозко девушке кусок холста, иголку да нитки, а сам ушёл.

Не стала девушка раздумывать, сразу за работу принялась. Застынут пальцы — она подышит на них, отогреет — и опять знай шьёт да шьёт. Так всю ночь и не разгибалась.

Утром возле ёлки снова шум да треск послышался: Морозко пришёл. Взглянул он на рубаху, похвалил:

— Ну, красная девица, хорошо ты работала! Какова работа — такова и награда будет.

Одел он девушку в соболью шубу, повязал узорным платком и вывел на дорогу.

Поставил перед ней большой кованый сундук и говорит:

— Прощай, красная девица! Здесь уж тебе добрые люди помогут, до дому проводят.

Сказал и исчез, как будто и не бывало его. А в это время старик домой с базара приехал.

— Где моя дочка? — спрашивает.

— Она ещё вчера в лес ушла, да вот не вернулась.

Встревожился старик, не стал распрягать лошадь, тотчас же в лес поехал.

Глядит: на дороге возле опушки его дочка сидит, нарядная да весёлая. Усадил старик её в сани. Морозкин сундук с подарками туда же взвалил и повёз домой.

А старуха с дочкой дома сидят, пьют, едят и так говорят:

— Ну, живая она домой не вернётся! Одни косточки привезут.

Собачка возле печки потявкивает:

— Тяф-тяф-тяф! Старикова дочка дорогие подарки везёт! Старухину дочку никто замуж не возьмёт!

Старуха и блины и пироги собачке бросала и кочергой её била: «Замолчи, негодная!»

— а собачка своё твердит:

— Старикова дочка дорогие подарки везёт! Старухину дочку никто замуж не возьмёт!

Тут ворота заскрипели, дверь в избу отворилась, и вошла девушка, нарядная да румяная, а за ней люди большой сундук внесли, весь морозными узорами изукрашенный.

Кинулась старуха со своей дочкой к сундуку, стали наряды вытаскивать, на лавки раскладывать, стали выпрашивать: от кого такой богатый подарок получила?

Как узнала старуха, что Морозко девушку наградил, — забегала по избе, одела, закутала свою дочку, сунула в руки узелок с пирожками и велела старику везти её в лес:

— Она два таких сундука притащит!

Привёз старик старухину дочку в лес, оставил её под высокой ёлкой.

Стоит она, по сторонам озирается да бранится:

— Что это Морозко так долго не идёт! Куда это он пропал?

Тут послышался шум да треск: скачет Морозко по ельничку, скачет Морозко по березничку, с дерева на дерево поскакивает, похрустывает да пощёлкивает. Спустился с ёлки и спрашивает:

— Зачем, красная девица, пожаловала ко мне?

— Или сам не знаешь? За дорогим подарком пришла!

Усмехнулся Морозко и молвил:

— Покажи-ка сначала, какова ты мастерица — свяжи мне рукавицы!

Подавал ей спицы да шерсти клубок, а сам ушёл.

Старухина дочка спицы в снег кинула, клубок ногой отбросила:

— Где это видано, где это слыхано, чтоб в такую стужу вязать? Этак и пальцы отморозишь!

Поутру затрещало, захрустело — Морозко пришёл:

— Ну, красная девица, покажи, как ты мою работу справила?

Накинулась на него старухина дочка:

— Какая тебе, старый ты дурень, работа? Или ослеп — не видишь: иззябла я тут, чуть жива!

— Ну, какова работа, такова и награда будет! — молвил Морозко.

Тряхнул он бородой, дунул — и поднялась тут вьюга да метель: все тропки, все дороги замело.

И старухину дочку снегом завалило. А Морозко исчез — будто его и не бывало.

Старуха старику выспаться не дала, чуть свет подняла, приказала за своей дочкой отправляться. А сама принялась блины да пироги печь. Собачка под столом сидит да потявкивает:

— Старикова дочка скоро замуж пойдёт, а старухина дочка в лесу пропадёт!

Старуха собачке и блины и пироги бросала и кочергой её больно колотила: «Замолчи, негодная!» — а собачка знай своё твердит:

— Тяф-тяф-тяф! Старикова дочка скоро замуж пойдёт, а старухина дочка в лесу пропадёт!

Всполошилась старуха:

— Как бы и вправду чего худого с моей дочкой не случилось! Как бы в пути дорогие подарки не растеряла! Накинула она шубу, повязалась платком и пустилась вдогонку за стариком.

А метель ещё пуще воет, ещё пуще крутит. Совсем дорогу замело. Сбилась злая старуха с пути, и завалило её снегом.

Старик поискал-поискал в лесу старухину дочку — не нашёл. Вернулся домой — и старухи нет. Собрал он соседей, пустился с ними на поиски. Долго искали, все сугробы перерыли, да так и не нашли их.

Стал старик жить вдвоём со своей дочкой.

А как пришла весна, посватался к девушке добрый молодец — из кузницы кузнец, сыграли весёлую свадьбу и стали они жить в любви да согласии. И сейчас живут.

«По щучьему веленью»

(обраб. А. Н. Толстого)

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий дурачок Емеля. Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

- Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

- Неохота...

- Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

- Ну, ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял ведра да топор и пошел на речку.

Прорубил лед, зачерпнул ведра и поставил их, а сам глядит в прорубь.

И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

- Вот уха будет сладка!

Вдруг щука ему человеческим голосом:

- Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеется:

- На что ты мне понадобишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить.

Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

- Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю все, что ни пожелаешь.

- Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

- Емеля, Емеля, скажи - чего ты сейчас хочешь?

- Хочу, чтобы ведра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Щука ему говорит:

- Запомни мои слова, когда что тебе захочется - скажи только: "По щучьему веленью, по моему хотенью".

Емеля и говорит:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - ступайте, ведра, сами домой...

Только сказал - ведра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошел за ведрами.

Идут ведра по деревне, народ дивится, а Емеля идет сзади, посмеивается... Зашли ведра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени - невестки говорят ему:

- Емеля, что ты лежишь? Пошел бы дров нарубил.

- Неохота...

- Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - поди, топор, наколи дров, а дрова сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки - и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло - невестки опять говорят:

- Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

- Да вы-то на что?

- Как - мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

- Мне неохота...

- Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял веревку и топор, вышел на двор и сел в сани:

- Бабы, открывайте ворота!

Невестки ему говорят:

- Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

- Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро - на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: "Держи его! Лови его!" А он, знай, сани погоняет.

Приехал в лес:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие деревья, а дровишки сами в сани валятся и веревкой вяжутся.

Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку - такую, чтобы насилу поднять.

Сел на воз:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют. Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила - и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли - услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера - его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живет, и спрашивает:

- Ты - дурак Емеля?

А он с печки:

- А тебе на что?

- Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

- А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке.

А Емеля говорит потихоньку:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила - и давай колотить офицера, насилу он ноги унес.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого наибольшего вельможу:

- Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил наибольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошел в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

- Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, - тогда он все сделает, что ни попросишь.

Набольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

- Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

- Мне и тут тепло...

- Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить - пожалуйста, поедем.

- А мне неохота...

- Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

- Ну, ладно, ступай ты вперед, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал еще и говорит:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - ну-ка, печь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю...

Царь глядит в окно, дивится:

- Это что за чудо?

Набольший вельможа ему отвечает:

- А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

- Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил.

- А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь - Марья-царевна. Емеля увидал ее в окошке и говорит потихоньку:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал еще:

- Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, вошла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полеживает. А у царя во дворце крик да слезы.

Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он ее за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе:

- Ступай, приведи ко мне Емелю живого или мертвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошел в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лег спать. А вельможа положил его в повозку и повез к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В неё посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли - проснулся Емеля, видит - темно, тесно:

- Где же это я?

А ему отвечают:

- Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

- А ты кто?

- Я - Марья-царевна.

Емеля говорит:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на жёлтый песок.

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на жёлтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из нее.

- Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

- А мне неохота.

Тут она стала его еще пуще просить, он и говорит:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - выстройся, каменный дворец с золотой крышей...

Только он сказал - появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом - зеленый сад: цветы цветут и птицы поют. Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

- Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля не долго думал:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - стать мне добрым молодцом, писанным красавцем...

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит - стоит дворец, где раньше ничего не было.

- Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить: "Кто такие?"

Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

- Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведет во дворец, сажает за стол.

Начинают они пировать. Царь ест, пьет и не надивится:

- Кто же ты такой, добрый молодец?

- А помнишь дурачка Емелю - как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я - тот самый Емеля. Захочу - все твоё царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощенья просить:

- Женись на моей дочери, Емелюшка, бери мое царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал - молодец.

«Сестрица Алёнушка и братец Иванушка»

(пересказ А.Н. Толстого)

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Алёнушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Алёнушка да Иванушка одни-одинёшеньки.

Пошла Алёнушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Алёнушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдём до колодца.

Шли-шли — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает.

Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, телёночком станешь! Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, жеребёночком станешь! Вдохнул Иванушка, опять пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы. Иванушка говорит:

— Сестрица Алёнушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, козлёночком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козлёночком...

Зовёт Алёнушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козлёночек.

Залилась Алёнушка слезами, села под стожок — плачет, а козлёночек возле неё скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

— О чём, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Алёнушка про свою беду

Купец ей говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в золото-серебро, и козлёночек будет жить с нами.

Алёнушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козлёночек с ними живёт, ест-пьёт с Алёнушкой из одной чашки. Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись, приходит ведьма: стала под Алёнушкино окошко и так-то ласково начала звать её купаться на реку.

Привела ведьма Алёнушку на реку. Кинулась на неё, привязала Алёнушке на шею камень и бросила в воду.

А сама оборотилась Алёнушкой, нарядилась в её платье и пришла в её хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал.

Одному козлёночку всё было ведомо. Повесил он голову, не пьёт, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовёт:

Алёнушка, сестрица моя!..

Выплынь, выплынь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа — зарежь да зарежь козлёнка...

Купцу жалко было козлёночка, привык он к нему. А ведьма так пристаёт, так упрашивает, — делать нечего, купец согласился:

— Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные.

Козлёночек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Побежал козлёночек на речку, стал на берегу и жалобнѣхонько закричал:

Алёнушка, сестрица моя!

Выплынь, выплынь на бережок.

Костры горят высокие,

Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!
Алёнушка из реки ему отвечает:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шёлкова трава ноги спутала,
Жёлты пески на груди легли.

А ведьма ищет козлёночка, не может найти и посылает слугу: — Пойди найди козлёнка, приведи его ко мне. Пошёл слуга на реку и видит: по берегу бегают козлёночек и жалобнёхонько зовёт:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.

Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шёлкова трава ноги спутала,
Жёлты пески на груди легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке. Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шёлковые и вытащили Алёнушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули её в ключевую воду, одели её в нарядное платье. Алёнушка ожила и стала краше, чем была.

А козлёночек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

«Сивка-Бурка»

(в обработке М.А. Булатова/ пересказ К.Д. Ушинского)

Жил-был старик, и было у него три сына. Младшего все Иванушкой- дурачком звали. Посеял раз старик пшеницу. Хорошая уродилась пшеница, да только повадился кто-то ту пшеницу мять да топтать. Вот старик и говорит сыновьям:

– Милые мои дети! Стерегите пшеницу каждую ночь по очереди, надо поймать вора! Настала первая ночь. Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать. Забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит утром домой и говорит:

– Всю-то ночь я не спал, пшеницу стерег! Иззяб весь, а вора не видал. На вторую ночь пошел средний сын. И он так же всю ночь проспал на сеновале. На третью ночь приходит черед Иванушке-дурачку идти. Положил он пирог за пазуху, взял веревку и пошел. Пришел в поле, сел на камень. Сидит, не спит, пирог жует, вора дожидается. В самую полночь прискакал на пшеницу конь – одна шерстинка серебряная, другая золотая, бежит – земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. И стал тот конь пшеницу есть. Не столько ест, сколько копытами топчет.

Подкрался Иванушка к коню и разом накинул ему на шею веревку. Рванулся конь изо всех сил – не тут-то было! Иванушка вскочил на него ловко и ухватился крепко за гриву. Уж конь носил-носил его по полю, скакал-скакал – никак не мог сбросить! Стал конь просить Иванушку:

– Отпусти ты меня, Иванушка, на волю! Я тебе за это великую службу сослужу. – Хорошо, – отвечает Иванушка, – отпущу, да как я тебя потом найду?

– А ты выйди в чистое поле, в широкое раздолье, свистни три раза молодецким посвистом, гаркни богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещей каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» – я тут и появлюсь.

Отпустил Иванушка коня и взял с него обещание пшеницы никогда больше не есть и не топтать. Пришел Иванушка поутру домой.

– Ну, рассказывай, что ты там видел? – спрашивают братья.

– Поймал я, – говорит Иванушка, – коня – одна шерстинка серебряная, другая золотая.

– А где же конь?

– Да он обещал больше не ходить в пшеницу, вот я его и отпустил. Не поверили Иванушке братья, посмеялись над ним вволю. Да только уж с этой ночи и вправду никто пшеницы не трогал...

Скоро после того разослал царь гонцов по всем деревням, по всем городам клич кликать:

– Собирайтесь, бояре да дворяне, купцы да простые крестьяне, к царю на двор. Сидит царская дочь Елена Прекрасная в своем высоком тереме у окошка. Кто на коне до царевны доскочит, да с ее руки золотой перстень снимет, за того она и замуж пойдет! Вот в указанный день собираются братья ехать к царскому двору – не затем, чтобы самим скакать, а хоть на других посмотреть. А Иванушка с ними просится:

– Братцы, дайте мне хоть какую-нибудь лошаденку, и я хочу поехать посмотреть на Елену Прекрасную!

– Куда тебе, дурню! Людей, что ли, хочешь смешить? Сиди себе на печи да золу пересыпай! Уехали братья, а Иванушка-дурачок и говорит братниным женам:

– Дайте мне лукошко, я хоть в лес пойду – грибов наберу! Взял лукошко и пошел, будто грибы собирать. Вышел Иванушка в чистое поле, в широкое раздолье, лукошко под куст бросил, а сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

– Сивка-бурка, вещей каурка, стань передо мной, как лист перед травой! Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

– Что угодно, Иванушка?

– Хочу посмотреть на царскую дочь Елену Прекрасную! – отвечает Иванушка.

– Ну, влезай ко мне в правое ухо, в левое вылезай! Влез Иванушка коню в правое ухо, а в левое вылез – и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером описать!

Сел на Сивку-бурку и поскакал прямо к городу. Нагнал он по дороге своих братьев, проскакал мимо них, пылью дорожной осыпал. Прискакал Иванушка на площадь – прямо к царскому дворцу. Смотрит – народу видимо-невидимо, а в высоком терему, у окна, сидит

царевна Елена Прекрасная. На руке у нее перстень сверкает – цены ему нет! А собою она красавица из красавиц. Глядят все на Елену Прекрасную, а никто не решается до нее доскочить: никому нет охоты шею себе ломать. Ударил тут Иванушка Сивку-бурку по крутым бокам...

Фыркнул конь, заржал, прыгнул – только на три бревна до царевны не допрыгнул. Удивился народ, а Иванушка повернул Сивку и ускакал. Кричат все:

– Кто таков? Кто таков? А Иванушки уж и след простыл. Видели, откуда прискакал, не видели, куда ускакал. Примчался Иванушка в чистое поле, соскочил с коня, влез ему в левое ухо, а в правое вылез и стал по-прежнему Иванушкой-дурачком. Отпустил он Сивку-бурку, набрал полное лукошко мухоморов и принес домой:

– Эва, какие грибки хорошие! Рассердились братнины жены на Иванушку, и давай его ругать:

– Какие ты, дурень, грибы принес? Только тебе одному их есть! Усмехнулся Иванушка, забрался на печь и сидит. Воротились домой братья и рассказывают женам, что они в городе видели:

– Ну, хозяйки, какой молодец к царю приезжал! Такого мы сроду не видывали. До царевны только на три бревна не допрыгнул.

А Иванушка лежит на печи да посмеивается:

– Братцы родные, а не я ли это там был?

– Куда тебе, дурню, там быть! Сиди уж на печи да мух лови! На другой день старшие братья снова в город поехали, а Иванушка взял лукошко и пошел за грибами.

Вышел в чистое поле, в широкое раздолье, лукошко бросил, сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

– Сивка-бурка, вещей каурка, стань передо мной, как лист перед травой! Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный. Влез Иванушка Сивке-бурке в правое ухо, а в левое вылез и стал молодец молодцом. Вскочил на коня и поскакал ко двору. Видит – на площади народу еще больше прежнего. Все на царевну любят, а скакать никто и не думает: боятся шею себе сломать! Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бокам.

Заржал Сивка-бурка, прыгнул – только на два бревна до окна царевны не достал. Поворотил Иванушка Сивку и ускакал. Видели, откуда прискакал, не видели, куда ускакал. А Иванушка уже в чистом поле.

Отпустил Сивку-бурку, а сам пошел домой. Сел на печь, сидит, дожидается братьев. Приезжают братья домой и рассказывают:

– Ну, хозяйки, тот же молодец опять приезжал! Не допрыгнул до царевны только на два бревна.

Иванушка и говорит им:

– Братцы, а не я ли это там был?

– Сиди, дурень, помалкивай!.. На третий день братья снова собираются ехать, а

Иванушка говорит:

– Дайте мне хоть плохонькую лошаденку: поеду и я с вами!

– Сиди, дурень, дома! Только тебя там и не хватает! Сказали и уехали.

Иванушка вышел в чистое поле, в широкое раздолье, свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

– Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный. Влез Иванушка коню в правое ухо, а в левое вылез. Стал молодец молодцом и поскакал к царскому двору. Прискакал Иванушка к высокому терему, стегнул Сивку-бурку плеткой...

Заржал конь пуще прежнего, ударил о землю копытами, прыгнул – и доскочил до окна! Поцеловал Иванушка Елену Прекрасную в алые губы, снял с ее пальца заветный перстень и умчался. Только его и видели!

Тут все зашумели, закричали, руками замахали:

– Держи его! Лови его!

А Иванушки и след простыл. Отпустил он Сивку-бурку, пришел домой.

Одна рука тряпкой обмотана.

– Что это с тобою приключилось? – спрашивают братнины жены.

– Да вот, искал грибы, на сучок накололся... И полез на печку.

Вернулись братья, стали рассказывать, что и как было:

– Ну, хозяйки, тот молодец в этот раз так скакнул, что до царевны допрыгнул, и перстень с ее пальца снял!

Иванушка сидит на печке да знай свое:

– Братцы, а не я ли это там был?

– Сиди, дурень, не болтай зря! Тут Иванушке захотелось на драгоценный перстень царевны взглянуть. Как разматал он тряпку, так всю избу и засияло!

– Перестань, дурень, с огнем баловать! – кричат братья.

– Еще избу сожжешь. Пора тебя совсем из дому прогнать!

Ничего им Иванушка не ответил, а перстень снова тряпкой обвязал...

Через три дня царь снова клич кликнул: чтобы весь народ, сколько ни есть в царстве, собирался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться. А кто царским пиром побрезгает, тому голову с плеч долой! Нечего делать, отправились братья на пир, повезли с собой и Иванушку-дурачка. Приехали, уселись за столы дубовые, за скатерти узорчатые, пьют-едят, разговаривают. А Иванушка забрался за печку, в уголок, и сидит там.

Ходит Елена Прекрасная, потчует гостей. Каждому подносит вина и меду, а сама смотрит, нет ли у кого на руке ее перстенька заветного. У кого перстень на руке – тот и жених ее. Только ни у кого перстня не видно... Обошла она всех, подходит к последнему – к Иванушке. А он за печкой сидит, одежонка на нем худая, лаптишки рваные, одна рука тряпкой обвязана.

Братья глядят и думают: «Ишь ты, царевна и нашему Ивашке вина подносит!» А Елена Прекрасная подала Иванушке стакан вина и спрашивает:

– Почему это у тебя, молодец, рука обвязана?

– Ходил в лес по грибы да на сук накололся.

– А ну-ка, развяжи, покажи!

Развязал Иванушка руку, а на пальце у него царевнин перстень заветный: так и сияет, так и сверкает! Обрадовалась Елена Прекрасная, взяла Иванушку за руку, подвела к отцу и говорит:

– Вот, батюшка, мой жених и нашелся!

Умыли Иванушку, причесали, одели, и стал он не Иванушкой-дурачком, а молодец молодцом, прямо и не узнаешь! Тут ждать да рассуждать не стали – веселым пирком да за свадебку! Я на том пиру был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

«Царевна-лягушка»

(обработка А.Н. Толстого/ обработка М. Булатова)

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и было у него три сына. Младшего звали Иван-царевич.

Позвал однажды царь сыновей и говорит им:

— Дети мои милые, вы теперь все на возрасте, пора вам и о невестах подумать!

— За кого же нам, батюшка, посвататься?

— А вы возьмите по стреле, натяните свои тугие луки и пустите стрелы в разные стороны. Где стрела упадет — там и сватайтесь.

Вышли братья на широкий отцовский двор, натянули свои тугие луки и выстрелили.

Пустил стрелу старший брат. Упала стрела на боярский двор, и подняла ее боярская дочь.

Пустил стрелу средний брат — полетела стрела к богатому купцу во двор. Подняла ее купеческая дочь.

Пустил стрелу Иван-царевич — полетела его стрела прямо в топкое болото, и подняла ее лягушка-квакушка...

Старшие братья как пошли искать свои стрелы, сразу их нашли: один — в боярском тереме, другой — на купеческом дворе. А Иван-царевич долго не мог найти свою стрелу. Два дня ходил он по лесам и по горам, а на третий день зашел в топкое болото. Смотрит — сидит там лягушка-квакушка, его стрелу держит.

Иван-царевич хотел было бежать и отступить от своей находки, а лягушка и говорит:

— Ква-ква, Иван-царевич! Поди ко мне, бери свою стрелу, а меня возьми замуж.

Опечалился Иван-царевич и отвечает:

— Как же я тебя замуж возьму? Меня люди засмеют!

— Возьми, Иван-царевич, жалеть не будешь!

Подумал-подумал Иван-царевич, взял лягушку-квакушку, завернул ее в платочек и принес в свое царство-государство.

Пришли старшие братья к отцу, рассказывают, куда чья стрела попала.

Рассказал и Иван-царевич. Стали братья над ним смеяться, а отец говорит:

— Бери квакушку, ничего не поделаешь!

Вот сыграли три свадьбы, поженились царевичи: старший царевич — на боярышне, средний — на купеческой дочери, а Иван-царевич — на лягушке-квакушке.

На другой день после свадьбы призвал царь своих сыновей и говорит:

— Ну, сынки мои дорогие, теперь вы все трое женаты. Хочется мне узнать, умеют ли ваши жены хлеба печь. Пусть они к утру испекут мне по караваю хлеба.

Поклонились царевичи отцу и пошли. Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич, — говорит лягушка-квакушка, — что ты так опечалился? Или услышал от своего отца слово неласковое?

— Как мне не печалиться! — отвечает Иван-царевич. — Приказал мой батюшка, чтобы ты сама испекла к утру каравай хлеба...

— Не тужи, Иван-царевич! Ложись-ка лучше спать-почивать: утро вечера мудренее!

Уложила квакушка царевича спать, а сама сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась красной девицей Василисой Премудрой — такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Взяла она частые решета, мелкие сита, просеяла муку пшеничную, замесила тесто белое, испекла каравай — рыхлый да мягкий, изукрасила каравай разными узорами мудреными: по бокам — города с дворцами, садами да башнями, сверху — птицы летучие, снизу — звери рыскучие...

Утром будит квакушка Ивана-царевича:

— Пора, Иван-царевич, вставай, каравай неси!

Положила каравай на золотое блюдо, проводила Ивана-царевича к отцу.

Пришли и старшие братья, принесли свои караваи, только у них и посмотреть не на что: у боярской дочки хлеб подгорел, у купеческой — сырой да кособокий получился.

Царь сначала принял каравай у старшего царевича, взглянул на него и приказал отнести псам дворовым.

Принял у среднего, взглянул и сказал:

— Такой каравай только от большой нужды есть будешь!

Дошла очередь и до Ивана-царевича. Принял царь от него каравай и сказал:

— Вот этот хлеб только в большие праздники есть!

И тут же дал сыновьям новый приказ:

— Хочется мне знать, как умеют ваши жены рукодельничать. Возьмите шелку, золота и серебра, и пусть они своими руками за ночь выткут мне по ковру!

Вернулись старшие царевичи к своим женам, передали им царский приказ. Стали жены кликать мамушек, нянюшек и красных девушек — чтобы пособили им ткать ковры. Тотчас мамушки, нянюшки да красные девушки собрались и принялись ковры ткать да вышивать — кто серебром, кто золотом, кто шелком.

А Иван-царевич воротился домой невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич, — говорит лягушка-квакушка, — почему так печалишься? Или услышал от отца своего слово недоброе?

— Как мне не кручиниться! — отвечает Иван-царевич. — Батюшка приказал за одну ночь соткать ему ковер узорчатый!

— Не тужи, Иван-царевич! Ложись-ка лучше спать-почивать: утро вечера мудренее!

Уложила его квакушка спать, а сама сбросила с себя лягушечью кожу, обернулась красной девицей Василисой Премудрой и стала ковер ткать. Где кольнет иглой раз — цветок зацветет, где кольнет другой раз — хитрые узоры идут, где кольнет третий — птицы летят...

Солнышко еще не взошло, а ковер уж готов.

Вот пришли все три брата к царю, принесли каждый свой ковер. Царь прежде взял ковер у старшего царевича, посмотрел и молвил:

— Этим ковром только от дождя лошадей покрывать!

Принял от среднего, посмотрел и сказал:

— Только у ворот его стелить!

Принял от Ивана-царевича, взглянул и сказал:

— А вот этот ковер в моей горнице по большим праздникам расстилать!

И тут же отдал царь новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на пир со своими женами: хочет царь посмотреть, которая из них лучше пляшет.

Отправились царевичи к своим женам.

Идет Иван-царевич, печалится, сам думает: «Как поведу я мою квакушку на царский пир?..»

Пришел он домой невеселый. Спрашивает его квакушка:

— Что опять, Иван-царевич, невесел, ниже плеч буйну голову повесил? О чем запечалился?

— Как мне не печалиться! — говорит Иван-царевич. — Батюшка приказал, чтобы я тебя завтра к нему на пир привез...

— Не горюй, Иван-царевич! Ложись-ка да спи: утро вечера мудренее!

На другой день, как пришло время ехать на пир, квакушка и говорит царевичу:

— Ну, Иван-царевич, отправляйся один на царский пир, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром — не пугайся, скажи: «Это, видно, моя лягушонка в коробчонке едет!»

Пошел Иван-царевич к царю на пир один.

А старшие братья явились во дворец со своими женами, разодетыми, разубранными. Стоят да над Иваном-царевичем посмеиваются:

— Что же ты, брат, без жены пришел? Хоть бы в платочке ее принес, дал бы нам всем послушать, как она квакает!

Вдруг поднялся стук да гром — весь дворец затрясся-зашатался. Все гости переполошились, повскакали со своих мест. А Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, гости дорогие! Это, видно, моя лягушонка в своей коробчонке едет!

Подбежали все к окнам и видят: бегут скороходы, скачут гонцы, а вслед за ними едет золоченая карета, тройкой гнедых коней запряжена.

Подъехала карета к крыльцу, и вышла из нее Василиса Премудрая — сама как солнце ясное светится.

Все на нее дивятся, любуются, от удивления слова вымолвить не могут.

Взяла Василиса Премудрая Ивана-царевича за руки и повела за столы дубовые, за скатерти узорчатые...

Стали гости есть, пить, веселиться.

Василиса Премудрая из кубка пьет — не допивает, остатки себе за левый рукав выливает. Лебедя жареного ест — косточки за правый рукав бросает.

Жены старших царевичей увидели это — и туда же: чего не допьют — в рукав льют, чего не доедят — в другой кладут. А к чему, зачем — того и сами не знают.

Как встали гости из-за стола, заиграла музыка, начались пляски. Пошла Василиса Премудрая плясать с Иваном-царевичем. Махнула левым рукавом — стало озеро, махнула правым — поплыли по озеру белые лебеди. Царь и все гости диву дались. А как перестала она плясать, все исчезло: и озеро и лебеди.

Пошли плясать жены старших царевичей.

Как махнули своими левыми рукавами — всех гостей забрызгали; как махнули правыми — костями-огрызками осыпали, самому царю костью чуть глаз не выбили. Рассердился царь и приказал их выгнать вон из горницы.

Когда пир был на исходе, Иван-царевич улучил минутку и побежал домой. Разыскал лягушечью кожу и спалил ее на огне.

Приехала Василиса Премудрая домой, хватилась — нет лягушечьей кожи! Бросилась она искать ее. Искала, искала — не нашла и говорит Ивану-царевичу:

— Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты еще три дня подождал, я бы вечно твоею была. А теперь прощай, ищи меня за тридевять земель, за тридевять морей, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, у Кощея Бессмертного. Как три пары железных сапог износишь, как три железных хлеба изгрызешь — только тогда и разыщешь меня...

Сказала, обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Загоревал Иван-царевич. Снарядился, взял лук да стрелы, надел железные сапоги, положил в заплечный мешок три железных хлеба и пошел искать жену свою, Василису Премудрую.

Долго ли шел, коротко ли, близко ли, далеко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, — две пары железных сапог износил, два железных хлеба изгрыз, за третий принялся. И повстречался ему тогда старый старик.

— Здравствуй, дедушка! — говорит Иван-царевич.

— Здравствуй, добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Рассказал Иван-царевич старику свое горе.

— Эх, Иван-царевич, — говорит старик, — зачем же ты лягушечью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе ее и снимать было! Василиса Премудрая хитрей-мудрей отца своего, Кощея Бессмертного, уродилась, он за то разгневался на нее и приказал ей три года квакушей быть. Ну, да делать нечего, словами беды не поправишь. Вот тебе клубочек: куда он покатится, туда и ты иди.

Иван-царевич поблагодарил старика и пошел за клубочком.

Катится клубочек по высоким горам, катится по темным лесам, катится по зеленым лугам, катится по топким болотам, катится по глухим местам, а Иван-царевич все идет да идет за ним — не остановится на отдых ни на часок.

Шел-шел, третью пару железных сапог истер, третий железный хлеб изгрыз и пришел в дремучий бор. Попадается ему навстречу медведь.

«Дай убью медведя! — думает Иван-царевич. — Ведь у меня никакой еды больше нет».

Прицелился он, а медведь вдруг и говорит ему человеческим голосом:

— Не убивай меня, Иван-царевич! Когда-нибудь я пригожусь тебе.

Не тронул Иван-царевич медведя, пожалел, пошел дальше.

Идет он чистым полем, глядь — а над ним летит большой селезень.

Иван-царевич натянул лук, хотел было пустить в селезня острую стрелу, а селезень и говорит ему по-человечески:

— Не убивай меня, Иван-царевич! Будет время — я тебе пригожусь.

Пожалел Иван-царевич селезня — не тронул его, пошел дальше голодный.

Вдруг бежит навстречу ему косой заяц.

«Убью этого зайца! — думает царевич. — Очень уж есть хочется...»

Натянул свой тугой лук, стал целиться, а заяц говорит ему человеческим голосом:

— Не губи меня, Иван-царевич! Будет время — я тебе пригожусь.

И его пожалел царевич, пошел дальше.

Вышел он к синему морю и видит: на берегу, на желтом песке, лежит щука-рыба.

Говорит Иван-царевич:

— Ну, сейчас эту щуку съем! Мочи моей больше нет — так есть хочется!

— Ах, Иван-царевич, — молвила щука, — сжался надо мной, не ешь меня, брось лучше в синее море!

Сжалился Иван-царевич над щукой, бросил ее в море, а сам пошел берегом за своим клубочком.

Долго ли, коротко ли — прикатился клубочек в лес, к избушке. Стоит та избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается. Говорит Иван-царевич:

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом!

Избушка по его слову повернулась к лесу задом, а к нему передом. Вошел Иван-царевич в избушку и видит: лежит на печи баба-яга — костяная нога. Увидела она царевича и говорит:

— Зачем ко мне пожаловал, добрый молодец? Волей или неволей?

— Ах, баба-яга — костяная нога, ты бы меня накормила прежде, напоила да в бане выпарила, тогда бы и выспрашивала!

— И то правда! — отвечает баба-яга.

Накормила она Ивана-царевича, напоила, в бане выпарила, а царевич рассказал ей, что он ищет жену свою, Василису Премудрую.

— Знаю, знаю! — говорит баба-яга. — Она теперь у злодея Кощея Бессмертного. Трудно будет ее достать, нелегко с Кощеем сладить: его ни стрелой, ни пулей не убьешь. Потому он никого и не боится.

— Да есть ли где его смерть?

— Его смерть — на конце иглы, та игла — в яйце, то яйцо — в утке, та утка — в зайце, тот заяц — в кованом ларце, а тот ларец — на вершине старого дуба. А дуб тот в дремучем лесу растет.

Рассказала баба-яга Ивану-царевичу, как к тому дубу пробраться. Поблагодарил ее царевич и пошел.

Долго он по дремучим лесам пробирался, в топях болотных вяз и пришел наконец к Кощееву дубу. Стоит тот дуб, вершиной в облака упирается, корни на сто верст в земле раскинул, ветками красное солнце закрыл. А на самой его вершине — кованый ларец.

Смотрит Иван-царевич на дуб и не знает, что ему делать, как ларец достать.

«Эх, — думает, — где-то медведь? Он бы мне помог!»

Только подумал, а медведь тут как тут: прибежал и выворотил дуб с корнями. Ларец упал с вершины и разбился на мелкие кусочки.

Выскочил из ларца заяц и пустился наутек.

«Где-то мой заяц? — думает царевич. — Он этого зайца непременно догнал бы...»

Не успел подумать, а заяц тут как тут: догнал другого зайца, ухватил и разорвал пополам. Вылетела из того зайца утка и поднялась высоко-высоко в небо.

«Где-то мой селезень?» — думает царевич.

А уж селезень за уткой летит — прямо в голову клюет. Выронила утка яйцо, и упало то яйцо в синее море...

Загоревал Иван-царевич, стоит на берегу и говорит:

— Где-то моя щука? Она достала бы мне яйцо со дна морского!

Вдруг подплывает к берегу щука-рыба и держит в зубах яйцо.

— Получай, Иван-царевич!

Обрадовался царевич, разбил яйцо, достал иглу и отломил у нее кончик. И только отломил — умер Кощей Бессмертный, прахом рассыпался.

Пошел Иван-царевич в Кощеевы палаты. Вышла тут к нему Василиса Премудрая и говорит:

— Ну, Иван-царевич, сумел ты меня найти, теперь я весь век твоя буду!

Выбрал Иван-царевич лучшего скакуна из Кошеевой конюшни, сел на него с Василисой Премудрой и воротился в свое царство-государство.

И стали они жить дружно, в любви и согласии.